

Чао Чимин никак не ожидал, что процесс его убийства увидит посторонний. Он смерил молодого человека взглядом: парень выглядел крайне простофилей и явно не походил на наемника, так что жажда крови в нем постепенно улеглась.

— Выкопай себе глаза, и я тебе поверю, — бросил он взгляд на крошечный внутренний дворик. Тот казался убого маленьким, однако хозяин содержал его в идеальном порядке, и все вещи лежали на своих местах.

— Живой ты или нет, а ну марш готовить что-нибудь вкусное, я умираю с голоду. Совсем сообразительности нет, — в животе у Чао Чимина вдруг громко заурчало. Он не удержался и зыркнул на стоявшего перед ним молодого человека, который совершенно не умел читать чужие лица. Тот выглядел довольно миловидным, с бледной кожей человека, никогда не знавшего палящего солнца и пронизывающих ветров, — типичный баловень судьбы.

— Ой, — Лань Сяочуань растерялся и украдкой бросил на Чао Чимина пару взглядов. Императора пытались убить, а где же тогда его Теневые стражи?

Не мог же Чао Чимин и вправду сбежать в одиночку и исподтишка?

(Лань Сяочуань ни за что не поверил бы, что столь искусные бойцы, как Теневые стражи, могли полечь все до единого.)

Лань Сяочуань на ватных ногах семенил на кухню, лихорадочно соображая: только что Чао Чимина преследовала целая толпа людей в черном, а значит, рядом с императором не было охраны.

Он же правитель! Как это — выходить из дома без Теневых стражей? Взял бы хоть парочку для приличия, случись что — хоть кто-то помог бы отбиться от убийц.

Войдя на кухню, Лань Сяочуань обнаружил там лишь рис да две морковки, купленные по дороге, и тут же помрачнел.

— У, у меня дома совсем нет еды, остались только рис и пара морковок. Если вы не против, я могу сварить вам рисовую кашу с морковью? — голос Лань Сяочуаня звучал мягко и робко. Он говорил тихо, прятал глаза и не смел смотреть на Чао Чимина. Император проголодался, а он, будучи Теневым стражем, и вправду несет ответственность за то, чтобы раздобыть для него еду.

Чао Чимин тут же заметил в дальнем углу двора ветхую лестницу, у которой к тому же не хватало двух ступенек.

— Это ты по ней залез? — в его голосе послышались насмешливые нотки, брови взлетели вверх, придавая лицу еще более издевательское выражение.

Лань Сяочуань остолбенел от шока, а следом в нем вскипело негодование: это кто еще сюда лестницу притащил? Неужели в его дом забирался вор?!

Да как кто-то смеет воровать его вещи!

— Боялся, что ты сбежишь, — лаконично солгал Чао Чимин. Он смотрел на юношу, у которого от испуга даже кроличьи глазки покраснели, и тот, подпрыгивая, отступил на пару шагов назад. От этого зрелища настроение Чао Чимина почему-то значительно улучшилось.

— Она пресная, я пойду добавлю немного сушеной рыбы и мяса, так будет гораздо вкуснее, — произнес Лань Сяочуань, глядя на Чао Чимина сияющими глазами: стоило ему только уйти отсюда, как он поклялся больше никогда не возвращаться.

Наверняка, раз его так долго не было, в доме побывал вор! К счастью, у него есть потайное дно в схроне, где вещи спрятаны глубоко, иначе, если бы пропали еще и рис с маслом, он бы точно расплакался.

Лань Сяочуань засыпал рис, плеснул полчерпака воды, размешал и принялся разводить огонь в очаге.

— Ты что, собрался бросить этого господина и сбежать в одиночку? — Чао Чимин притянул его к себе. Его орлиный взгляд, казалось, видел насквозь человеческие сердца, мгновенно раскусив молодого мужчину. Тот даже не попытался скрыть радостный блеск в глазах — и после этого еще надеялся сбежать?

— Н-нет, мы же вместе пойдем на рынок за сушеной рыбой, а с вашим-то мастерством я точно никуда не денусь, — уныло протянул Лань Сяочуань. Ну как император мог так быстро раскусить его замысел?

— К-кто это тут в мыслях говорит гадости? — с виноватым видом пробормотал Лань Сяочуань.

Он ловко очистил морковь от кожицы, мелко крошил ее и бросил в кашу. Рис в котле только-только закипел, зернышки еще плавали отдельно друг от друга, и он мысленно представлял на месте моркови императора, ожесточенно его кромсая.

Сегодня с самого утра его одолевало раздражение, поэтому он и вышел из ворот без Теневых стражей, никак не ожидая, что едва закончит дела, как за ним начнется погоня, которая в итоге привела его к этому юнцу.

Чао Чимин посмотрел на робкого паренька и фыркнул:

— Я изначально и не рассчитывал, что ты способен сотворить что-то стоящее, так что шевеливайся давай.

Чао Чимин, словно свирепый надсмотрщик, скрестил руки на груди и встал в дверях кухни, наблюдая, как юноша споласкивает рис, тщательно моет его, а затем засыпает в уже вымытый котел.

— Если вздумаешь мысленно меня ругать, я тебе этого не прощу, — Чао Чимин шагнул внутрь и ленивой походкой прошелся по кухне. По выражению лица молодого человека он сразу понял, что тот сейчас наверняка мысленно кроет его на чем свет стоит, и тут же вывел Лань Сяочуаня на чистую воду.

— Ты уверен, что твой очаг не сгорит при таком огне? — с сомнением спросил Чао Чимин. Он сразу понял, что тот сейчас наверняка мысленно кроет его на чем свет стоит, и тут же вывел Лань Сяочуаня на чистую воду.

Лань Сяочуань от страха едва не выронил сердце:

— К-как я мог сбежать? Я же, я же совсем не владею боевыми искусствами, — тихо пробормотал он про себя. Будучи императором, тот мог бы проявить великодушие: раз уж он понял, что перед ним не убийца и он совершенно невиновен, то должен был его отпустить. К тому же, он ведь, он ведь не совершил ничего дурного, с какой стати цепляться именно к нему?

— Судя по твоим неловким движениям, на бойца ты и вправду не похож, — Чао Чимин внимательно оглядел Лань Сяочуаня и с жалостью покачал головой, а в его голосе послышался едва уловимый смешок.

Стоило бросить морковь, как каша тут же приобрела аппетитный вид: на белом фоне заиграли яркие красные крапинки, выглядело все это весьма неплохо.

Чао Чимин кивнул, а затем резким движением притянул парня к себе.

Стоило повернуть голову, как Лань Сяочуань увидел правителя, прислонившегося к косяку. Все его мысли, тяготившие голову до этого, вмиг разлетелись в прах.

— Т-ты как здесь оказался? — испуганно отшатнувшись на пару шагов, выдохнул он. Это же кухня, какой еще император станет заходить на кухню?

— Ну и пусть! — с обиженным видом пробормотал Лань Сяочуань, против воли признавая факт своего лазанья по лестнице. Перед лицом императора признать себя слабее было не страшно — он вовсе не собирался из-за минутного упрямства расставаться с собственной жизнью.

По его мнению, молодой человек, свалившийся с крыши, совершенно точно не умел драться и мог забраться наверх разве что с помощью столь жалкого приспособления, как приставная лестница.

Он никак не ожидал, что этот юноша, руки которого явно не знали никакой тяжелой работы, и

вправду умеет готовить, да еще управляется с этим так ловко.

— Хм, здешних дров хватит ровно на час горения, а воды я налил в самый раз. К тому времени, как вы вернетесь с покупками, все как раз успеет свариться, — глаза Лань Сяочуаня ярко засияли. Стоило зайти разговор о стряпне, как в нем просыпался энтузиазм, и его взгляд становился лучистым, словно в нем отражались звезды.

— Т-ты, ты что удумал?! — заметив, что император тащит его в спальню прямо к кровати, Лань Сяочуань в панике отступил на несколько шагов, но сзади уже уперся в стену. Он и представить себе не мог, что у Чао Чимина такая чудовищная сила!

Уж не задумал ли Чао Чимин сотворить с ним что-то непристойное?! У него наверняка на уме именно это! Прошлой же ночью он заставил его греть постель!

— Ты что творишь? Неужели ты всерьез думал, что я на тебя позарюсь?.. — Чао Чимин сперва опешил, но тут же сообразил, к чему клонит Лань Сяочуань. Он с ног до головы окинул юношу оценивающим взглядом, в глубине его глаз заплескались насмешливые искорки, а губы тронула усмешка: видя, как этот паренек, словно напуганный зайчонок, неуклюже пытается защищаться, он просто не мог удержаться от того, чтобы немного подразнить его. Тело у тебя сухопарое, смотреть тут не на что, а мне нравятся женщины покрупнее, — голос Чао Чимина в пустой комнате звучал весьма громко.

Я, я с какой стати должен быть крупным? Я мужчина, мне достаточно того, что есть! — у Лань Сяочуаня глаза покраснели так, будто в них налилась кровь. Небеса! Почему он обсуждает с Императором тему мужчин и женщин в таком месте? Он впервые в жизни произносит подобное, и во всем виноват Чао Чимин, который сбил его с толку.

Может, разденемся и сравним? — злобно произнес Чао Чимин, и его рука потянулась к поясу Лань Сяочуаня.

Ты, ты извращенец! — Лань Сяочуаня чуть не довели до слез от страха, и он отступил в самый угол кровати. Если у Императора действительно есть столь странные наклонности, он, он непременно попытается оказать сопротивление! Было бы еще лучше, если бы его тело слушалось так же честно, как разум!

Увидев испуганный вид молодого человека, Чао Чимин почувствовал себя превосходно, и из его груди вырвался низкий, веселый смех. — Я еще не дошел до того, чтобы бросаться на что попало. Сидящий перед ним юноша выглядел очень бодрым и определенно мог поднять ему настроение, однако он все же не собирался влюбляться в первого встречного незнакомца, к тому же ему пока не хотелось заводить романы, и в мыслях такого не было.

Подойди, помоги мне привести волосы в порядок, — велел Чао Чимин. Эти проклятые длинные волосы вечно доставляли неудобства, а короткие слишком легко привлекали чужие взгляды. В Великом Чжао все мужчины и женщины ходили с развевающимися длинными прядями, но ухаживать за ними вечно было некогда. Возненавидев это безобразие, он тайком велел изготовить парик и с тех пор носил его не снимая.

Эту дурацкую роль Императора он тоже почти смертельно устал играть.

Лань Сяочуань в шоке держал в руках копну волос — он и помыслить не мог, что Император носит парик! Лань Сяочуань тут же подозрительно покосился на Чао Чимина: н-неужели волосы на голове Императора тоже ненастоящие?

Живее давай! Будешь возиться — распрощаешься с собственной шеей! — пригрозил Чао Чимин.

Лань Сяочуань потрогал чужие аккуратно подстриженные, гладкие короткие пряди. На ощупь они оказались очень приятными и настоящими — подозрения в его сердце наконец рассеялись.

Хорошо хоть волосы у него были, а то он уже решил, что Император — какой-нибудь монах, который не любит женщин и тайком ушел в монастырь.

Лань Сяочуань закрепил прическу Чао Чимина с помощью шнура и венца. Навыки у него были скверные, так что он провозился довольно долго, прежде чем всё закончил, после чего они вместе вышли на улицу.

Одежда на Чао Чимине была сшита из превосходной ткани, к тому же сам он от природы обладал великолепной внешностью. На его фоне он выглядел молодым господином, вышедшим на прогулку, а Лань Сяочуань казался лишь жалким слугой-книгоношей при нем, который всю дорогу дрожал от страха.

Этот выход привлек немало взглядов. Большинство людей при виде Чао Чимина молча уступали дорогу: у мужчины был суровый, пронзительный взгляд, выглядел он свирепо, а его властная аура заставляла любого избегать зрительного контакта. Зато семенивший рядом с опущенной головой и обиженным выражением лица маленький книгоноша казался куда симпатичнее. Какая жалость, что такой паренек прислуживает столь грозному хозяину!

Под управлением Чао Чимина народ в Великом Чжао жил вполне сносно, улицы пестрели оживлением, отовсюду доносились бурные обсуждения, и за время пути они успели услышать уже две народные версии слухов о том, почему Император не женится.

Кое-кто даже утверждал, будто Император импотент. Лань Сяочуань отчаянно переживал, как бы Чао Чимин не прихлопнул болтунов на месте. Клянется же! У этого тирана лицо было темнее тучи, и он наверняка устроит расплату после осенних жатв!

Интересно, а Император и вправду импотент?

Лань Сяочуань когда-то тоже задавался этим вопросом, но то, что у Чао Чимина там выращено столь внушительных размеров, ведь не для красоты же дано? Тогда почему он не берет в жены женщин? Как хороши женщины — мягкие, благоухающие, хрупкие и понимающие с полуслова. Будь он сам Императором, непременно завел бы парочку-тройку наложниц во внутренних покоях.

Чего это ты ухмыляешься? Что за блудливая улыбочка? — Чао Чимин бросил на Лань Сяочуаня взгляд прекрасных глаз.

По правде говоря, юноша уродился писаным красавцем, а от его глаз и вовсе исходило какое-то соблазняющее притяжение.

Д-да с чего бы! — тут же возразил Лань Сяочуань, но под грозным взглядом Чао Чимина его голос постепенно стих.

Спокойно, только спокойно, перед ним тиран, ни в коем случае нельзя его злить.

Лань Сяочуань беспрестанно подбадривал себя мысленно.

Лань Сяочуань специально повел Чао Чимина в самую глубь рынка — ох уж это грязное местечко, Чао Чимин наверняка не вынесет подобного и откажется туда идти, он в этом уверен!

Они вошли на шумный, кишачий народом рынок. Лань Сяочуань покосился на Императора, который выглядел так, будто ничего особенного не происходит, и просто не мог поверить глазам: Император, вечно не выносивший ни малейшего шума, спокойно выдерживал эту оглушающую толчею, да еще и при столь удушливом воздухе.

На рынке было не протолкнуться, и Лань Сяочуаня чуть не оттеснили от спутника. Он бросил взгляд на сторону Чао Чимина — надо же, к тому никто даже близко не посмел подойти. Все что, решили, раз он выглядит безобидным, то об него можно вытирать ноги, а с Чао Чимином связываться опасно?

Лань Сяочуаню пришлось тихонько прижаться к боку Чао Чимина, чтобы хоть так его больше никто не толкал.

Чао Чимин невозмутимо шел сквозь торговые ряды, и вся его врожденная аристократичность разительно диссонировала с простой земной атмосферой рынка. А вот Лань Сяочуань вел себя точь-в-точь как завсегдатай этого места, с легкостью сбивая цены.

Хозяин, почем эта рыба?

Двадцать вэней, ни медяком меньше.

Пятнадцать!

Ну ты и парень, торговаться совсем не жалко.

Ладно, раз вы такие симпатичные, отдам.

Почистите мне чешую и выпотрошите, — Лань Сяочуань извлек свой кошель. Сосчитав монеты, он обнаружил, что всего там было тридцать две медные монетки. Отдав пятнадцать, он остался лишь с семью — сердце вдруг так жалобно кольнуло из-за этой рыбы, ведь в обычные дни он и вовсе не смел баловать себя рыбой.

Пятнадцать медных — огромные деньги, обычные семьи порой за целый день тратили меньше двух.

Лань Сяочуань стоял со скрежетом в сердце, а его глаза с тоской провожали семнадцать монеток, отправившихся напрямик в кошель торговца рыбой.

Мм, из этой рыбы можно сварить кашу на рыбной голове, а из остального туловища приготовить второе блюдо, останется только прикупить немного имбиря, зеленого лука да кинзы, и хватит, — Лань Сяочуань превосходно умел вести расчеты: покупаешь одну рыбу, а получаешь два блюда, сплошная выгода.

Хм, — Чао Чимин искоса глянул на Лань Сяочуаня. Он совершенно ничего не понял, но послушно зашагал следом.

Купив все необходимое и поглядывая на неотступно следовавшего по пятам повелителя, Лань Сяочуань чувствовал себя глубоко несчастным.

На рынке стоял тяжелый рыбный дух, повсюду или торговали свининой, или разделывали рыбу, земля была сырой, а воздух пропитался влажным кисловато-гнилостным смрадом. Кто бы мог подумать, что Императора Чао Чимина это ничуть не смутит.

Вскоре они вышли с рынка.

Лань Сяочуань скривился. Как же, черт побери, отделаться от этого Императора? Неужели ему и впрямь придется стряпать для него здесь?

Если вернется приказ выступить на задание, а его не окажется на месте, его казнят как предателя, и тут парой ударов кнута уже не отделаешься.

<http://bllate.org/book/21016/2136508>